

Ты мчалъ насъ, уносилъ по лону водъ мятежныхъ
 Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ;
 И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
 Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
 Умолкнетъ съ отзвонъ громовъ.
 Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ, —
 И вдругъ поражены невольнымъ содроганьемъ,
 И душу намъ наполнилъ страхъ.
 Высоко надъ главою поэзіи печальной
 Вознесся не вѣнокъ, но факель погребальный,
 И Пушкинъ — трупъ, и Пушкинъ — прахъ!
 Онъ прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробудимый!
 Угасъ, и навсегда, миллионами любимый,
 Державы сѣверной Баянъ!
 Онъ новыя пріять нетлѣнные одежды,
 И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
 Разсѣя вѣчности туманъ!..

v.

Гимнъ смерти.

«Совершилось: дивный геній, —
 Совершилось: славный мужъ
 Незабвенныхъ вѣсногѣний
 Отлетѣлъ въ страну видѣній,
 Съ лона жизни въ царство душъ.
 Пиръ унылый и послѣдній
 Онъ окончилъ на землѣ;
 Но, безчувственный и блѣдный,
 Носить онъ вѣнокъ побѣдный
 На возвышенномъ челѣ.
 О, взгляните, какъ свободно
 Это гордое чело!
 Какъ оно въ толпѣ народной
 Величаво, благородно
 Новой жизнью расцвѣло!
 Если гибельнымъ размахомъ
 Безпощадная коса
 Незнакомаго со страхомъ
 Уравнять умѣла съ прахомъ, —
 То узрѣлъ онъ небеса.
 Тамъ, подъ сѣнію благаго,
 Милосерднаго Творца,
 Безъ печальнаго покрова

